

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*А.В. ОСТРОВСКИЙ***Существовал ли системный кризис
в России начала XX века?****(Критика концепции Б. Миронова)**

В статье предлагается марксистская трактовка складывания предпосылок русской революции 1917 г. и оспаривается ее интерпретация, содержащаяся в статье Б. Миронова “Русская революция 1917 г. в контексте теорий революции”.

Ключевые слова: революция 1917 г., системный кризис, марксизм, модернизация.

In article the Marxist treatment of folding of preconditions of the Russian revolution of 1917 is offered and its interpretation containing in article of B. Mironov “The Russian revolution of 1917 in a context of theories of revolution” is challenged.

Keywords: revolution of 1917, system crisis, Marxism, modernization.

Статья Б. Миронова “Русская революция 1917 года в контексте теорий революции” [Миронов, 2013] представляет собой изложение взглядов, которые нашли отражение в книге названного автора “Благосостояние населения и революции в имперской России”, изданной в 2010 и переизданной в 2012 г. Главная идея книги заключается в том, что на протяжении всего XIX и начала XX в. Россия переживала успешную буржуазную модернизацию, превратившую ее в процветающую страну. Поэтому в ней не существовало объективных условий для революции, а системный кризис, который она переживала накануне 1917 г., – это “миф, придуманный большевиками” [Миронов, 2006, с. 12–17; 2012, с. 689].

В печати уже показано, что в основе концепции Миронова лежит довольно шаткая эмпирическая база [Островский, 2010; 2011; Нефедов, 2011]. Поэтому его полемика с оппонентами имеет безосновательный характер, свидетельствуя не только о его поверхностном знакомстве с критикуемой литературой, но и произвольном ее толковании. Так, с одной стороны, Миронов понимает, что среди марксистов никогда не было и нет полного единства [Миронов, 2010, с. 690; 2012, с. 690]. Но с другой стороны, подразделяя марксистов на “вульгарных” и “не вульгарных”, он даже не пытается понять, в чем разногласия между ними и с кем именно он спорит. В связи с этим считаю необходимым взять под защиту марксистское понимание предпосылок революции 1917 г.

Начну с уточнений. **Первое.** В основе марксизма лежат три, на мой взгляд, совершенно бесспорные положения: 1) общество – это саморазвивающаяся система,

---

* *Островский Александр Владимирович – доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.*

2) его основу составляет экономика, то есть производство, распределение и потребленные материальных благ, 3) движущим фактором развития общества являются производительные силы, изменения в которых порождают изменения во всех структурных элементах общества.

Второе. Только в обыденном сознании революция – это баррикады и стрельба. В марксистской литературе различается два вида революций (факт, который или остался вне поля зрения Миронова, или же был им проигнорирован): в узком смысле – это политический переворот, смена режима, в широком смысле – социальный переворот, смена общественной системы. “На известной ступени своего развития, – писал В. Ленин, – материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности, внутри которых они до этого развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции” [Ленин, т. 26, с. 56].

Рассматривая с этих позиций понятие “буржуазная революция”, Ленин писал: «Вообще говоря, под этим термином можно понимать две вещи. Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных задач буржуазной революции, “завершение” ее, то есть устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь в 1871 г. (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из “волн”, если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле революция 1848 г. в Германии была “завершена” в 1850 году или в 1850-х годах, нисколько не устранив почвы для революционного подъема 60-х годов. Революция 1789 г. во Франции была завершена, скажем, в 1794 г., нисколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 гг.» [Ленин, т. 19, с. 246–247; т. 20, с. 310].

Третье. Все историки-марксисты считают, что накануне 1917 г. Россия переживала системный кризис. Но дальше начинаются разногласия. Миронов не только обходит этот факт стороной, но даже не задается вопросом: кризис *какой системы* имеется в виду? Между тем этот вопрос самым непосредственным образом связан с вопросом о характере русской революции: одно дело, если рассматривать ее как революцию социалистическую, другое – как буржуазную.

О характере системного кризиса

В советской литературе преобладало мнение, имевшее характер аксиомы, что, начавшись как буржуазная, русская революция 1917 г. завершилась как социалистическая. Однако полного единства в этом среди советских историков не существовало.

Когда создавалась первая советская концепция развития нашей страны, было сформулировано положение о том, что капитализм в России в основном победил в 1861 г., и в дальнейшем имело место, с одной стороны, изживание пережитков феодализма, с другой – складывание предпосылок социалистической революции. В соответствии с этим вплоть до середины 1950-х гг. процесс первоначального накопления сводился в основном к накоплению капиталов и ограничивался XVI–XVIII вв. [Научно-теоретическая... 1955, с. 420–429; К вопросу... 1958; Полянский, 1958], завершение формирования всероссийского рынка относилось к середине XVII в. [История... 1940, с. 170–171; Базилевич, 1949, с. 82] или к середине XVIII в. [Дружинин, 1949, с. 93], завершение промышленного переворота датировалось 1861 г. [Струмилин, 1944], начало XX в. рассматривалось как эпоха империализма – высшая и последняя стадия капитализма [Обсуждение... 1949, с. 149–152; Дружинин, 1949, с. 104–105].

После смерти И. Сталина получило распространение мнение, согласно которому 1861 г. положил лишь начало переходу России от феодализма к капитализму. «Падени-

ем крепостного права, – говорилось в многотомной “Истории КПСС”, – *начался новый период истории России, период смены одного господствующего способа производства, другим, крепостничества – капитализмом* [История... 1964, с. 9]. В связи с этим завершение промышленного переворота было перенесено на 1880-е или даже 1890-е гг. [Островский, 2001, с. 98–100], складывание единого внутреннего рынка отодвинуто к началу 1880-х гг. [Ковальченко, Милов, 1974], процесс первоначального накопления продлен до эпохи столыпинских реформ [Переход... 1969, с. 73–79]. Был поставлен вопрос о сохранении многоукладности экономики вплоть до начала XX в. [Вопросы... 1972]. Появилось мнение, что революция 1917 г. носила социалистический характер только в городе, а в деревне первоначально сохраняла буржуазный характер [Анфилов, 1959]. Возникли сомнения относительно готовности и способности российского пролетариата быть гегемоном социалистической революции [Пролетариат... 1967].

“Новое направление” в советской исторической науке вскоре подверглось разгрому [Поликарпов, 2008]. Но уже на заре перестройки прошла дискуссия о периодизации истории советского общества, в ходе которой впервые в нашей литературе прозвучала мысль о том, что революция 1917 г. не вышла за рамки буржуазной [Основные... 1987, с. 70; Дискуссия... 1988, с. 127–142]. В последующем эта идея получила конкретное обоснование (см., например, [Воейков, 2006, с. 68; Островский, 2009, с. 177–181; 2011, с. 147–154]). С тех позиций ни о каком кризисе капиталистической системы накануне 1917 г. не может быть и речи, а под системным кризисом следует понимать *незавершенность ломки старой феодальной системы и рождение новой, буржуазной* [Симония, 1975, с. 21]. С этой же точки зрения пореформенная эпоха характеризовалась развитием двух противоположных тенденций: *созидательной*, связанной с рождением нового, капиталистического общества, и *разрушительной*, связанной с гибелью элементов старого общества.

Состояние экономики и уровень жизни населения

Миронов демонстрирует непонимание того, что после отмены крепостного права речь шла не просто о развитии промышленности, а о революционном перевороте в этой сфере – о переходе от аграрной экономики к экономике индустриальной, получившем название индустриализации. Важнейшим ее движущим фактором стал промышленный переворот – переход от ручного труда к механизированному.

Между тем промышленный переворот в России не завершился ни к началу 1880-х гг., ни к концу XIX в. Подобная датировка основывалась на неверных теоретических и фактических предпосылках. Во-первых, расчеты, делавшиеся в обоснование этого, учитывали только фабрично-заводскую промышленность, оставляя в стороне мелкую и кустарную, а также промышленность домашнюю. Во-вторых, использовавшаяся методика не позволяет определить соотношение ручного и механизированного труда и в фабрично-заводской промышленности. В результате на самом деле большинство дореволюционных заводов и фабрик представляли собой централизованные мануфактуры с использованием ручного труда [Островский, 2001].

В советской литературе имело место и завышение уровня индустриализации. Считалось, что в начале XX в. в городе (главным образом, в промышленности) создавалось 45% национального дохода, в деревне (в основном в сельском хозяйстве) – 55% [Вайнштейн, 1969, с. 68]. Однако при этом: а) не учитывалось, что национальный доход оценивался по месту потребления, а *не по месту производства*, что вело к его завышению в промышленности и занижению в сельском хозяйстве; б) не принимался во внимание так называемый *двойной счет*, который тоже вел к завышению национального дохода в промышленности; в) игнорировались *“ножницы цен”*, то есть искусственное завышение цен в промышленности и занижение цен в сельском хозяйстве. Между тем только поправка на “ножницы цен” дает основание сократить долю национального дохода в промышленности до 20–25%, а в сельском хозяйстве увеличить его до 75–80% [Островский, 1993, с. 138].

В действительности промышленный переворот и индустриализация завершились только в годы советской власти, примерно к середине XX в. То есть основу экономики дореволюционной России продолжало составлять сельское хозяйство. В связи с этим надо отметить следующий недостаток, существовавший в советской исторической литературе: сведение способа производства (совокупности производительных сил и производственных отношений) только к производственным отношениям. Причем в наибольшей степени это проявилось в изучении дореволюционного сельского хозяйства [Яцунский, 1959, с. 30]. Называя себя марксистами, советские историки не удосужились написать историю дореволюционного животноводства и оставили открытым вопрос об уровне и динамике развития зернового производства в начале XX в. Повторяя без всяких доказательств, будто бы земледелие продолжало оставаться на стадии экстенсивного развития, они просмотрели тот принципиально важный факт, что к концу XIX в. возможности экстенсивного развития земледелия в Европейской России были *исчерпаны*. Об этом свидетельствует динамика площади пашни: начало XIX в. – 75 млн десятин, 1860-е гг. – 89 млн, 1887 г. – 117 млн, 1901 г. – 120 млн, 1912 г. – 120 млн, 1955 г. – 120 млн десятин [Островский, 2013^а, с. 62, 71].

Как в таких условиях развивалось пореформенное земледелие? По мнению одних авторов, производство хлеба отставало от темпов роста населения, по мнению других – опережало его (такого мнения, в частности, придерживался Ленин [Ленин, т. 3, с. 248]). Если бы Миронов выступал в качестве ученого, он был бы обязан отметить существующие разногласия, поддержав одну из названных точек зрения или же сформулировав новую. Не сделав ни того, ни другого, он создает видимость, будто выступает в качестве первопроходца. Однако ничего принципиально нового в его книге нет. Позиция Миронова полностью совпадает не только с позицией упоминаемого им А. Нифонтова [Нифонтов, 1974], не только с позицией критикуемого им В. Яцунского [Яцунский, 1961], но и с позицией бичуемого им Ленина [Миронов, 2010, с. 293; 2012, с. 237].

Между тем, если представления Миронова о положительной динамике зернового производства Европейской России до конца XIX в. в общем не вызывают возражений, то представления о подобной же динамике на рубеже XIX–XX в. находятся в противоречии с фактами [Островский, 2013^а, с. 192–227]. Так, в первом издании названной книги Миронов сравнивал данные за 1891–1900 гг. с данными за 1909–1913 гг., допуская при этом три просчета. Во-первых, сравнивать можно только показатели за равновеликие отрезки времени, во-вторых, требовалось объяснить, почему были оставлены в стороне сведения за 1901–1908 гг., в-третьих, сведения за 1891–1900 и 1909–1913 гг. несопоставимы (в первом случае это более низкие показатели губернаторских отчетов, во втором – более высокие показатели Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел) – факт, который хорошо известен автору [Миронов, 2010, с. 290; 2012, с. 224].

Историк не только искажил динамику зернового производства Европейской России на рубеже XIX–XX вв., но и завысил его уровень. Первоначально он оперировал близкой к действительности продовольственной нормой (287 кг хлеба в год на человека) и совершенно несерьезной, низкой фуражной нормой (18 кг) [Миронов, 2010, с. 284, 293]. Затем, когда последний показатель был поставлен под сомнение [Нефедов, 2010^а, с. 38–39; 2010^б, с. 353–354; 2011, с. 127–128; Островский, 2010, с. 128–129], мой оппонент повысил фуражную норму до 60 кг и, объявив используемый им до этого показатель продовольственной нормы “опечаткой”, снизил его с 287 до 237 г. [Миронов, 2011, с. 131; 2012, с. 233–234].

К тому, что уже сказано по этому поводу в печати [Нефедов, 2011, с. 127–129; Островский, 2011^а, с. 135–136], можно добавить: назвав 287-килограммовую норму опечаткой, Миронов забыл, что в своей книге о благосостоянии он посвятил обоснованию необходимого для крестьянина объема потребления пищи несколько страниц. Для этого он использовал данные С. Клепикова: потребление хлеба – 254,7 кг в год, картофеля – 131,2 кг. Если перевести картофель в хлеб из пропорции 4 к 1, это даст в

сумме 287,5 кг, из пропорции 3 к 1 – 298,4 кг, 17,6 пуда в первом случае и 18,2 пуда во втором [Миронов, 2010, с. 460–462].

В полемике с названным автором мною было обращено внимание не только на невероятно низкий показатель фуражной нормы, но и бесосновательность включения такой преимущественно фуражной культуры, как овес, в число продовольственных культур. А это не более не менее, как 20% сбора всех зерновых [Островский, 2013^a, с. 245–248]. Это возражение Миронов проигнорировал. Получается, что автор занимается не реконструкцией действительной картины положения дел в этой отрасли сельского хозяйства, а подгонкой материала под уже готовую схему.

В моей книге “Зерновое производство Европейской России в конце XIX–XX в.” показано, что если в первые пореформенные десятилетия обеспеченность населения хлебом немного увеличивалась, то на рубеже веков она стабилизировалась примерно на одном уровне [Островский, 2013^a, с. 202–227]. На этом уровне земледельческое производство могло по минимуму удовлетворять продовольственные потребности, но не удовлетворяло фуражные потребности. В этих условиях Россия вывозила хлеб, который нужен был ей самой, поэтому еще современники называли такой экспорт *голодным* [Островский, 2013^a, с. 228–283].

Отделение промышленности от сельскохозяйственного производства означало складывание и развитие общественного разделения труда, которое стало пружиной разрушения прежнего натурального хозяйства, развития обмена и формирования единого внутреннего рынка. С этой точки зрения вся пореформенная эпоха была временем разрушения прежней и создания совершенно новой системы обмена. Факт, полностью обойденный вниманием в книге Миронова.

В свое время И. Ковальченко и Л. Миловым была высказана идея о том, что первоначально имело место формирование мелкотоварного внутреннего рынка, затем на его основе – рынка капиталистического. В первом случае на рынке в качестве товаропроизводителей выступали мелкие хозяйства, опирающиеся на семейный труд, во втором – хозяйства, основанные на использовании наемного труда. По мнению названных авторов, вплоть до 1917 г. капиталистический аграрный рынок в России так и не сложился [Ковальченко, Милов, 1974]. Мною была сделана попытка выяснить механизм функционирования мелкотоварного рынка и показано, что для большинства крестьян производство сельскохозяйственной продукции являлось *убыточным* [Островский, 2013^a, с. 309–346]. Возможно ли такое в условиях рынка? Если для крестьян, выступающих одновременно и в качестве хозяев, и в качестве работников, “часть продукта, соответствующая заработной плате, – как подчеркивал К. Маркс, – представляет их доход”, то “для капиталистов она является авансированием капитала”, то есть входит в состав производственных издержек. “Поэтому первый смотрит на эту затрату труда как на необходимое условие производства продукта труда, который прежде всего и имеется в виду”. Что же касается прибавочного продукта, то “он может продать или лично потребить его, этот продукт рассматривается им как продукт, который ничего ему не стоил”. А поэтому, хотя мелкий производитель “стремится продавать как можно дороже”, “но и продажа ниже стоимости и ниже капиталистической цены производства все еще имеет для него значение прибыли, если только эта прибыль не антиципирована задолженностью ипотеками и т.д.” [Маркс, Энгельс, 1962, с. 245].

Иными словами, мелкотоварный производитель может продавать свою продукцию, даже теряя при этом весь прибавочный продукт, в то время как необходимым условием капиталистического производства является получение прибавочной стоимости. “Здесь, – писал Маркс, – одна из причин того, что в странах с преобладанием парцеллярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром...” [Маркс, Энгельс, 1962, с. 371].

А поскольку в Европейской России главным производителем товарного зерна были беднейшие и средние крестьянские хозяйства и поскольку товарность послед-

них во многом носила вынужденный характер, крестьяне реализовали свою продукцию по ценам ниже ее реальной стоимости, а нередко и *ниже ее себестоимости*. В такой ситуации товарное капиталистическое производство могло быть рентабельным при трех условиях: а) там, где существовала возможность получения дифференциальной земельной ренты; б) на основе кабальной эксплуатации наемных рабочих; в) на основе подобной же кабальной аренды. Это свидетельствует о том, что на рынке действовали так называемые “ножницы цен”, искусственно завышенные цены на промышленные товары и искусственно заниженные цены на сельскохозяйственные продукты, с помощью которых происходило перераспределение части национального дохода, создаваемого в деревне, в город, за счет чего и осуществлялась индустриализация.

Подобные отношения, напоминавшие отношения *между метрополией и колонией*, играли роль инструмента первоначального накопления и существовали во всех странах, переходящих от феодализма к капитализму. Подобные ножницы цен действовали не только на внутреннем, но и на мировом рынке. Некоторое представление на этот счет дают сведения за 1906–1908 гг. Среднегодовой экспорт России оценивался российскими таможенными в 1050 млн руб., зарубежными – в 1580 млн, соответственно, импорт – в 855 и 735 млн (см. табл. 1).

Таблица 1

“Ножницы цен” на мировом и российском рынках в 1906–1908 гг.

Оценка товаров	Экспорт	Импорт	Баланс	В %
В России (млн руб. в среднем за год)	1050	855	195	18,6
За рубежом (млн руб. в среднем за год)	1580	735	845	53,5
Разница	-530	+120	650	–
В %	33	16	77	–

Источники: [Обзор...1908, с. 111–112; Обзор...1909, с. 6–7; Обзор... 1910, с. 5–7].

В начале XX в. Россия переплачивала другим странам не менее 16% на импорте промышленных товаров и теряла не менее 33% на экспорте сельскохозяйственных продуктов. К этому следует добавить торговую прибыль, которая поступала главным образом в руки иностранных фирм. В результате, вывоза на 1580 млн руб., Россия ввозила лишь на 735 млн и таким образом теряла 845 млн или 56% стоимости своего экспорта в мировых ценах. По самым скромным подсчетам, за полвека после отмены крепостного права иностранный торговый капитал выкачал таким образом из России, как минимум, 27 млрд руб., в то время как все иностранные инвестиции в экономику России (в том числе займы) составляли к 1913 г. лишь 7,6 млрд руб. [Бовыкин, 1988, с. 67]. В связи с этим министр финансов С. Витте в феврале 1900 г. писал императору: *“Экономические отношения России и Западной Европы вполне сходны с отношениями колониальных стран к своим метрополиям”* (цит. по [Шепелев, 1981, с. 258]). Подобные “ножницы цен” действуют на мировом рынке и сейчас.

Какова в таких условиях была динамика доходности земледелия дореволюционной России? В 1860-е гг. одна десятина посева давала около 30 пудов хлеба, средняя цена пуда хлеба составляла 55 коп., весь урожай стоил 16,5 руб. Между тем десятина земли в те же годы оценивалась в 18,0 руб. Отсюда широкое развитие спекулятивных земельных сделок, стремительный рост земельных цен. В 1870-е гг. десятина земли стоила уже 21 руб., в 1880-е гг. – 36 руб., в 1890-е гг. – 56 руб. и в 1900-е гг. – 103 руб. За полвека цены на землю увеличились в 5,7 раза. Эти темпы значительно превосходили и темпы роста урожая, и темпы роста хлебных цен. В результате если в 1860-е гг. стоимость урожая достигала 92% по отношению к цене десятины земли, то в 1910-е гг. сократилась до 27% (см. табл. 2).

**Изменение доходности зернового производства
Европейской России (1861–1911 гг.) (руб.)**

Дата	Земельные цены		Средний урожай		Хлебные цены		Стоимость урожая		Доходность
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
1860-е гг.	18	100	30	100	55	100	16,5	100	92
1870-е гг.	21	117	33	110	60	109	19,8	120	94
1880-е гг.	36	200	36	120	51	93	18,4	112	51
1890-е гг.	56	311	42	140	50	91	21	127	34
1910-е гг.	103	572	46	153	60	109	27,6	168	27

Источники: [Миронов, 1975, с. 47; Материалы... 1907; 1915, с. XXIII; Сборник... 1917; Материалы... 1903].

Социальные проблемы и противоречия

Именно здесь, на мой взгляд, одна из причин разрушения старых и формирования новых классов. Признавая, что “в результате отмены крепостного права” “благополучное состояние значительной части помещичьего дворянства” “понижилось”, Миронов пишет: “Однако вряд ли можно говорить о всеобщей деградации... помещичьего дворянства. С. Беккер приводит убедительные аргументы в пользу того, что тезис об упадке дворянства – миф” [Миронов, 2010, с. 670].

Чтобы понять, являлся ли “упадок дворянства” мифом, следует напомнить, что в конце XVIII в. понятия “помещик” и “дворянин” были почти синонимами, так как по Жалованной грамоте 1785 г. владеть населенными имениями разрешалось только дворянам. К 1861 г. земли не имели 15–20% дворян, к 1876 г. – 44%, к 1890 г. – 60%, к 1905 г. – 70% [Корелин, 1979, с. 61]. Это значит, что после отмены крепостного права характер дворянского сословия принципиально изменился. Больше половины дворянских семей, имевших землю до отмены крепостного права, после 1861 г. ее потеряли. В результате из земельного сословия дворянство превратилось в безземельное. На чем же тогда основано утверждение, будто бы “оскудение дворянства” – это миф? Оказывается, на том, что хотя после отмены крепостного права более половины дворян стали безземельными, а дворянский земельный фонд сократился в два раза, стоимость дворянских земель не сократилась, а выросла [Беккер, 2004]. Однако при этом не учитывается не только обесценение рубля, но и то, что доход помещичьего дворянства зависел не от стоимости земли, а от ее реальных размеров, сокращение которых означало сокращение и сельскохозяйственных угодий, и дохода с них. К этому следует добавить, что хотя в ходе реформы 1861 г. с помещиков были списаны прежние долги, к 1917 г. дворянские земли снова оказались заложенными и перезаложенными в банках. Наконец, как бы ни дорожала дворянская земля, это касалось все меньшей и меньшей части дворянства.

Одновременно происходило разорение другого класса прежнего феодального общества – крестьянства. Этот процесс развивался под влиянием: а) исчерпания резерва свободных земель, что повлекло за собой возникновение в деревне так называемого аграрного перенаселения, б) роста эксплуатации деревни, которая вела к нарушению воспроизводства прежнего крестьянского хозяйства. Вопреки этому и без всякого обоснования Миронов пишет: “Емкость экологической ниши в России не оставалась постоянной на протяжении XVIII–XX вв., а, напротив, благодаря колонизации плодородных земель постоянно увеличивалась, *обгоняя прирост населения*” [Миронов, 2010, с. 697]. Может быть, историку остались неизвестными работы его предшественников, посвященные проблеме аграрного перенаселения? Ничего подобного. “К 1900 г., – пишет он сам, – избыток рабочей силы в деревне по разным оценкам

составлял от 9 до 56%” [Миронов, 2012, с. 291]; (см. также [Миронов, 2010, с. 348–349, 385, 387, 523, 712–714; 2012, с. 290–291, 321, 427]). Получается, что правая рука не ведает, что творит левая. Между тем есть основания думать, что со временем аграрное перенаселение не сокращалось, а увеличивалось, а это значит – происходило и обострение связанных с этим противоречий [Островский, 1982].

В своей книге Миронов утверждает, что в XVI–первой половине XIX в. благосостояние населения колебалось вокруг среднего уровня, “то поднимаясь, то понижаясь”, и “только в пореформенное время оно, наконец, вышло на новый, более высокий рубеж, превзойдя самые высокие показатели за всю предшествующую историю России. Это стало возможным благодаря прежде всего значительному экономическому прогрессу, о темпах которого шла речь выше, и снижению налогового бремени в результате крестьянской реформы 1860-х гг.” [Миронов, 2010, с. 662]. Во-первых, ни в самой книге, ни в других публикациях названного автора нет никаких показателей об уровне жизни за “всю предшествующую историю России”, во-вторых, неужели эксплуатация крестьян выражалась только в “налоговом бремени”? А разве не существовало отработок, аренды, различных видов ростовщического кредита, “ножниц цен”? Как же можно, отвлекаясь от всего этого, делать какие-либо утверждения об ослаблении эксплуатации крестьянства!

Пытаясь нарисовать картину процветания пореформенной деревни, Миронов пишет: “В 1916 г. (согласно сельскохозяйственной переписи) в Европейской России в среднем на крестьянский двор из 5,3 человек (без учета членов семьи, находившихся в армии) приходилось 9–10 га земли, 1–2 лошади, 2–3 головы крупного рогатого скота, 5 голов мелкого скота и птицы” [Миронов, 2010, с. 541–542]. Это в среднем. Однако Миронову хорошо известно, что, по данным военно-конской переписи 1912 г., 31,6% крестьянин Европейской России не имели лошадей, следовательно, каждый третий крестьянин не попадал под предложенную им характеристику. Уже одного этого достаточно, чтобы не распространять ее на всю деревню. По тем же данным, еще 32,1% крестьян имели только по одной лошади и, следовательно, тоже не достигали среднего уровня. Между тем в черноземной полосе для пахоты требовалось не менее двух голов рабочего скота. Это значит, что две трети крестьян находились на разных стадиях социального разложения [Островский, 1992]. Как же можно, зная это, утверждать, что в российской деревне социального расслоения почти не было?

Игнорирует Миронов и уже введенные в оборот данные о том, что к 1897 г. численность сельского несельскохозяйственного населения сравнялась с численностью городского населения [Островский, 1984, с. 113–116], а к 1912 г. превзошла его почти в полтора раза (13,2 и 20,2% общей численности населения) [Островский, 2000, с. 206–207; 2013^a, с. 56–60]. В соответствии с этими расчетами, именно на рубеже XIX–XX в. процесс буржуазного расслоения крестьянства прошел свою критическую точку: в 1897 г. вне этого процесса оставалось 53% населения Европейской России, в 1912 г. – 46%.

Противоречат благостной картине, рисуемой Мироновым, и приводимые им данные об уровне жизни населения. Если в первом издании он определял порог бедности в 214 рублей и писал, что хуже этого жили только нищие, бродяги и арестанты и что содержание последних составляло 70 руб. в год (а беднее в России никого не было), во втором издании своей книги он опустил порог бедности более чем в два раза, до 95 рублей, и признал, что ниже 70 рублей имели сельскохозяйственные рабочие – 65 руб., нищие, бродяги и призреваемые – 55 руб. [Миронов, 2012, с. 601].

В первом издании Миронов утверждал, что 80% населения имели доход от 214 руб. до 1000 руб. в год [Миронов, 2010, с. 657]. Во втором он опустил границы состоятельности этих 80% до 95–500 руб. и уточнил, что в 1901–1904 гг. их суммарный доход составлял 7,5 млрд руб. [Миронов, 2012, с. 604]. Если взять 80% населения на эти годы (110 млн человек) [Сифман, 1977], мы получим на душу населения 68 рублей. А если учесть еще 10% самых бедных, окажется, что в начале XX в. 90% населения России имели на душу почти столько же, сколько тратилось на содержание арестантов [Островский, 2013^b].

Разорение крестьянства сопровождалось не только пауперизацией, но и пролетаризацией. В советской литературе основные усилия историков были направлены на доказательство того, что к концу XIX–началу XX в. процесс формирования рабочего класса в основном завершился, и среди рабочих преобладали лица, не связанные с землей [Иванов, 1958]. Однако в обоснование этого обычно приводились данные только по фабрично-заводской промышленности [Васильев, 1976]. Между тем в 1913 г. из 22,7 млн человек общей численности рабочих на долю фабрично-заводского пролетариата приходилось не более 4,5 млн, то есть около 20% [Крузе, 1976, с. 42]. Если вопрос о связях фабрично-заводских рабочих с землей можно считать дискуссионным, то основная масса рабочих других отраслей в той или иной степени была с ней связана.

Пореформенная эпоха характеризовалась формированием буржуазии. И хотя до сих пор мы имеем слабое представление о ее численности, структуре и богатстве, видимо, можно утверждать, что численно преобладала мелкая буржуазия, а экономически – торговая [Струмилин, 1967]. С этим связана проблема трансформации элиты как “властного меньшинства”.

Миронов фактически обошел стороной тот довольно известный в литературе факт, что буржуазная трансформация российского общества породила не только разрушение одного господствовавшего класса и рождение другого, но и борьбу между ними. А значит – борьбу внутри российской элиты (между разоряющейся земельной аристократией и рождающейся буржуазией). “Убывает власть земли, – писал Ленин, – растет власть денег” [Ленин, т. 19, с. 61]. Не была едина и предпринимательская элита. Во-первых, хотя в ее составе отражался почти весь этнический спектр российского общества, главную роль играли русская и еврейская буржуазия [Общий... 1905]. Конкурентная борьба между ними, а также борьба между земельной и предпринимательской элитой придавали особую остроту национальному, в том числе еврейскому вопросу. Во-вторых, вся пореформенная эпоха характеризовалась проникновением в экономику России иностранного капитала. К 1913 г. в руках иностранных подданных находилось 35% всего акционерного капитала [Бовыкин, 1988, с. 66–67]. На самом деле его роль была еще выше, так как одни иностранцы переходили в русское подданство (Э. Нобель), другие были связаны с ним родственными узами (Эфруси-Ротшильд). А поскольку вся предвоенная эпоха характеризовалась ростом противоречий между ведущими европейскими странами, эти противоречия не могли не отражаться внутри предпринимательской элиты России, которая распадалась на две группировки: антантофильскую и германофильскую [Островский, 1994, с. 14–15]. Особую остроту эти противоречия должны были приобрести в годы Первой мировой войны. Только игнорирование подобных фактов позволяет Миронову ставить под сомнение идею раскола российской элиты как одного из факторов крушения монархии.

Общество и самодержавие

Пореформенная эпоха характеризовалась не только принципиальными изменениями в экономике и классовой структуре общества, но и в его политической надстройке. Превращение буржуазии в самый богатый класс сопровождалось ее желанием получить доступ к власти. Отсюда стремление к ограничению или же ликвидации самодержавия. В этом была заинтересована не только российская буржуазия, но и тот иностранный капитал, который внедрялся в экономику России.

В результате государственных преобразований 1905–1906 гг. Россия *de jure* перешла от самодержавия к конституционной монархии. Однако нужно учитывать, что вплоть до 1917 г. власть так и не отменила указ 14 декабря 1881 г., дававший ей право объявлять чрезвычайное положение в отдельных местностях империи и тем самым приостанавливать там действия некоторых законов. “По подсчетам печати, – писал В. Дякин, – к январю 1912 г. из 157 млн чел. населения России только 5 млн проживало в местностях, на которые не распространялось действие ни военного положения, ни чрезвычайной или усиленной охраны. В местностях, находившихся в условиях усиленной охраны, проживало 63 млн человек, в районах, где губернаторы имели пра-

во издания обязательных постановлений (подменявших законодательство), – 86 млн” [Дякин, 1978, с. 28].

Таким образом, полного изменения политической надстройки не произошло. Более того, власть оказалась не способной осуществлять дальнейшее буржуазное реформирование страны. Как показал Дякин, одни столыпинские законопроекты утонули в комиссиях, другие, хотя и прошли парламентские учреждения и были одобрены царем, в значительной степени остались на бумаге [Дякин, 1978, с. 28]. Это касается даже столыпинской реформы [Дякин, 1997; 2002, с. 282–302]. Провал задуманных правительством реформ – давно доказанный факт. В этом одна из причин, почему накануне войны снова начинает поднимать голову либеральная оппозиция.

7–10 ноября 1913 г. в столице состоялось совещание октябристов [Дякин, 1988, с. 150]. “Оглядываясь ныне назад на пройденный нами короткий, но поучительный политический путь, – заявил, выступая на этом совещании, лидер октябристов А. Гучков, – мы должны признать, что попытка, сделанная русским обществом в нашем лице, – попытка сближения с властью, дружной с ней работы в деле проведения в русскую жизнь начал, признанных самою властью, попытка *мирного*, безболезненного перехода от старого, осужденного уклада к новому строю – *потерпела неудачу*” [Гучков, л. 206].

Поскольку весь период с 1861 по 1917 г. носил переходный характер, он не мог не характеризоваться обострением социальных отношений. По делу декабристов, согласно “Алфавиту декабристов”, проходили всего порядка 600 человек, включая “оставленных без внимания” и умерших к моменту начала следствия [Мироненко, 1988]. В 1870–1880-е гг. счет арестованных по политическим мотивам пошел на тысячи [Деятели... 1928–1933]. На рубеже веков в общественное движение втягиваются рабочие и крестьяне, оно приобретает массовый характер. “Именная картотека Департамента полиции, – пишет З. Перегудова, – насчитывала приблизительно 2,5 миллиона карточек на 2 млн человек”. Причем, как минимум, около одного миллиона карточек были заведены только за период с 1907 по 1917 г. [Перегудова, 2000, с. 47–48]. Разумеется, не все, попавшие в эту картотеку, были революционерами или оппозиционерами, но то, что большинство из них числились в Департаменте полиции как неблагонадежные, сомнений не вызывает.

Понимание социальной неустойчивости постепенно проникает в сознание правящих верхов российского общества. Так, 24 декабря 1901 г. генеральша А. Богданович отметила в дневнике: “Под Россией теперь образовался вулкан, извержение может произойти с минуты на минуту” [Богданович, 1924, с. 260]. Характеризуя положение, сложившееся в экономике к 1886 г., министр финансов Н. Бунге писал: “Упадок русских финансов особенно заметно стал обнаруживаться с 60-х годов, а с 1880 года он приобрел характер угрожающий”. Перечислив проявления финансового кризиса, царский министр констатировал: “Все это при отсутствии даже намека на какое-либо улучшение готовит в недалеком будущем тяжелую развязку”, под которой он имел в виду “государственное банкротство” и, как следствие этого, “государственный переворот” [Бунге, 1886, с. 2].

Когда в 1905 г. появился знаменитый рескрипт на имя А. Булыгина, занимавший тогда пост товарища министра Н. Кутлер писал своему брату: “...наш государственный строй нуждается в коренной реформе... Нам нужна конституция, а... если ограниченное самодержавие не ослабит смуты, не обновит государственной жизни? Тогда, стало быть, пришел конец жизни русского народа, стало быть, нам суждено пережить судьбу, подобную судьбе Древнего Рима” [Кутлер, л. 1–2]. В декабре 1905 г. П. Струве писал: “Русская революция и русская монархия стоят теперь обе на поворотном пункте. На теле нации они могут схватиться в последней отчаянной схватке. И они еще могут заключить мир. Допустим, что завтра революция победит монархию. Это вовсе не будет означать, что торжество революционных начал прочно. Такая победа революции только проложит путь к реакции. Но и наоборот. Торжество реакции – опаснее для монархии, чем для революционных начал. Русская монархия, которая не заключит с революцией почетного для обеих сторон мира, а победит ее реакцией – эта русская

монархия не переживет не только второй революции, но и второй такой войны, какой была Русско-японская война” [Струве, 1905, с. 15].

Не позднее 1910 г. руководитель Главного управления землеустройства и земледелия А. Кривошеин – человек, которому царь доверил реализовать столыпинскую земельную реформу, обосновывая необходимость перенесения центра тяжести деятельности правительства с землеустройства на земледелие, обратил внимание на то, что аграрное развитие России в 1880–1890-е гг. “едва не завершилось общим экономическим кризисом”. “Если все останется в прежнем положении, – писал Кривошеин, – если по-прежнему значительная доля наличной рабочей силы, не находя себе применения, будет оставаться неиспользованной, то *кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем*” (курсив мой. – А.О.) [Объяснительная... л. 84]. Через четыре года вспыхнула война, и новый кризис стал фактом.

19 июля 1914 г., когда Германия объявила России войну, Гучков направил жене письмо. В нем говорилось: “*Начинается расплата*” (курсив мой. – А.О., цит. по [Дякин, 1988, с. 216]). В этих двух словах заключалась и концентрированная оценка предшествующей политики царизма, и мрачный прогноз его будущего.

Экономическая ситуация накануне революции

Миронов пытается внушить своим читателям, будто бы в годы войны положение в стране было неплохим, а рабочие стали жить даже, может быть, лучше, чем до войны [Миронов, 2012, с. 571]. За счет чего жила и воевала страна, если уже в 1914 г. бюджет был сведен с 50%-м дефицитом, а в 1917 г. дефицит достиг 80% [Голенко, 1926]? За счет займов и денежной эмиссии. С 1914 по 1918 г. государственный долг вырос с 10 до 55 млрд руб. [Волобуев, 1963, с. 463–469]. К 1 января 1917 г. рубль стоил 37 довоенных копеек, к 1 января 1918 г. – всего 4 копейки [Финансовая... 1924, с. 72–86]. Война привела к истощению всех ресурсов. В таких условиях осенью 1916 г. царское правительство вводит продовольственную разверстку. В обществе заговорили о необходимости планирования (именно тогда впервые появилась идея пятилетнего плана), о производственной кооперации в деревне и национализации в городе [Островский, 1999].

15 октября 1916 г. Н. Бердяев опубликовал статью, в которой говорилось: “Инстинкты собственности столкнулись в сегодняшний день с инстинктами патриотизма.... В минуту опасности для государства, когда требуются героические настроения и героические меры, интересы собственности оказались ненадежными носителями этих интересов, неспособными на жертвы”. И далее: “Война во многих отношениях социализирует хозяйство, вносит в хозяйственную жизнь начало коллективности и ограничивает индивидуалистический произвол. Частные интересы аграриев, промышленников, торговцев во время войны сталкиваются уже не с интересами крестьян и рабочих, а с интересами государства, с интересами национальной обороны и безопасности. Оборона государства в мировой борьбе народов, необходимость прокормления народов в совершенно исключительных условиях требуют ограничения частных интересов собственников” и “частичной социализации хозяйства”. Исходя из этого, Бердяев констатировал: или государственный социализм, или хаос, который сметет существующую власть [Бердяев, 1916].

Крестьянская община

В связи с этим особое значение имеет вопрос о том, что представляла собой дореволюционная деревня. Считается, что внутри крестьянства формировались два новых класса, и под влиянием этого происходило разрушение общины. Как уже отмечалось, к началу XX в. возможности экстенсивного развития были исчерпаны. За счет чего же росло производство? За счет интенсификации. Но она заключалась не в переходе от трехполья к многополью, а в переходе от переложно-залежной системы земледелия к *трехполью*. Считается, что этот процесс завершился в XVI в., на самом деле *он продолжался до начала XX в.* [Островский, 2013^a, с. 61–99].

Между тем еще до революции было установлено, что *переход к трехполью сопровождался складыванием уравнильно-передельческой общины* [Кочаровский, 1900; Кауфман, 1908]. Это мнение разделяли и советские историки [Анфимов, Зырянов, 1980]. Следовательно, если на территории Европейской России переход к трехполью продлился до начала XX в., то до начала XX в. продолжалось и формирование уравнильно-передельческой общины: в одних губерниях уравнильно-передельческая община действительно разрушалась, в других переживала период расцвета, в третьих – еще только-только *зарождалась* [Кочаровский, 1900].

Когда говорят об общине, обычно все сводят только к переделам, забывая о так называемой системе *открытых полей* и *принудительном севообороте*. До тех пор пока земель было много и преобладала малодворная деревня, каждый крестьянин пас скот сам. Исчерпание резерва свободных земель имело своим следствием появление общинного выгона и коллективного выпаса скота. Распашка выгонов и сенокосов приводит к тому, что со временем выгонов становится недостаточно, тогда под них пускают пар и жнивье. На время выпаса убираются изгороди, отделявшие одну полосу от другой. Так складывается система открытых полей. Но чтобы можно было все поле, состоящее из отдельных полос, использовать под общий выгон, со всех полос необходимо было одновременно убрать урожай. Для того, чтобы одновременно убрать урожай, поле необходимо было одновременно вспахать и засеять, причем все должны были засеять свои полосы одним хлебом. Так складывается принудительный севооборот [Посников, 1878, с. 13–24; Блок, 1957, с. 79–96; Неусыхин, 1964, с. 98–106]. В результате община берет на себя не только регулирование земельных отношений, но и *регулирование сельскохозяйственного производства*.

Когда рассматривается социальное разложение крестьянства, в расчет берутся уже сложившиеся группировки. А как велось хозяйство на стадии полураспада? Или за счет аренды недостающих средств производства, или за счет простейшей кооперации: супруга, помочи, толока [Островский, 2002, с. 150–151]. В результате после отмены крепостного права на территории Европейской России имело место не только распространение уравнильно-передельческой общины, а значит, и уравнильных настроений на новые территории, но и развитие *кооперативного движения*, в том числе простейшей кооперации в сфере сельскохозяйственного производства [Островский, 1987].

Когда в 1905 г. были подведены итоги деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, выяснилось, что вопрос о крестьянском землепользовании из 531 местного комитета рассматривали только 206 комитетов (38,8%); 325 комитетов (61,2%), то есть абсолютное большинство, не видело необходимости каких-либо изменений в этом вопросе. Причем в 166 комитетах вопрос об общине даже не поднимался. Показательна и позиция тех 206 комитетов, которые рассматривали вопрос о землепользовании. 27 из них не смогли прийти ни к какому решению, из остальных 179 комитетов 121 высказался за сохранение общины, 53 – за постепенный переход к подворному землевладению и только 4 комитета – за безотлагательную ликвидацию общины [Семенов, 1905].

Сложим 166 и 121, получается 287. Это значит, что в подавляющем большинстве уездных комитетов или единодушно считали, что ничего в общине менять не нужно, или же преобладало мнение о необходимости сохранить общину. В 159 комитетах были сторонники рассмотрения поземельных отношений, но их оказалось так мало, что им не удалось добиться даже включения данного вопроса в повестку работы комитетов. Еще в 27 комитетах сторонники и противники общины разделились поровну. И только в 57 комитетах (11%) сторонники реформирования или же уничтожения общины оказались в большинстве. Эти цифры свидетельствуют о том, что разрушение общины было начато в противоречии не только с интересами огромной массы крестьянства, но и с позицией уездной интеллигенции, заседавшей в комитетах.

Возникновение и распространение уравнильно-передельческих настроений имело место и в Древней Греции (Платон), и в Древнем Риме (раннее христианство), и в средневековой Чехии (гуситы), и в средневековой Германии (Т. Мюнцер), и в эпоху

Английской революции (диггеры), и в революционной Франции (“заговор равных”). Особенность России заключалась в том, что форсирование процесса индустриализации привело к тому, что получило в литературе название “наложение эпох”. В результате распространение в деревне уравнительно-передельческих настроений совпало по времени с появлением многочисленного рабочего класса в городе, что придало буржуазной революции в России совершенно иной характер, чем это было в других странах.

Наличие системного кризиса и перспективы социальной революции в России к 1917 г. были очевидны не только для большевиков, но и для людей самых разных политических взглядов. Предчувствуя разрушение старого порядка вещей, член Государственного Совета П. Дурново не только предсказывал поражение России в войне с Германией, но и утверждал, что в таком случае “социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна”: дело не ограничится свержением монархии, а завершится “черным переделом” [Записка... 1922, с. 178–199]. В связи с этим невольно вспоминается прогноз черносотенца В. Грингмута: “Деятнадцатый век – век парламентаризма – приходит к концу, наступает новый век – век социализма” [Собрание... 1908, с. 160]. Подобный же прогноз делал прозорливый политик Витте в 1905 г.: “Попытки осуществить идеалы теоретического социализма – они будут неудачны, но они будут несомненно” [Манифест... 1925, с. 55–59].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов А.М.* К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. Т. 65. М., 1959.
- Анфимов А.М., Зырянов П.Н.* Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4.
- Базилевич К.* Опыт периодизации истории СССР периода феодализма // Вопросы истории. 1949. № 1.
- Беккер С.* Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.
- Бердяев Н.* Государство и собственность во время войны // Биржевые ведомости. 1916. 15 октября.
- Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
- Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.
- Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М.–Л., 1924.
- [*Бунге Н.Х.*] Замечания министра финансов на записку тайного советника Смирнова, озглавленную “Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства улучшения нашего государственного хозяйства”. СПб., 1886.
- Вайнштейн А.Л.* Народный доход России и СССР. М., 1969.
- Васильев Б.Н.* Численность, состав и территориальное размещение фабрично-заводского пролетариата Европейской России в конце XIX–начале XX в. // История СССР. 1976. № 1.
- Воейков М.* Уроки “государственного социализма”: пересмотр идейно-теоретической концепции // Альтернативы. 2006. № 4.
- Волбуев П.В.* О государственном долге дореволюционной России // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
- Голенко А.* Финансы России в мировую войну // Война и революция. 1926. № 11.
- Гучков А.И.* Общее политическое положение и Союз 17 октября // Государственный архив РФ. Оп. 1, д. 113.
- Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический справочник от предшественников декабристов до падения царизма. В 5 т. М., 1928–1933.
- Дискуссия о периодизации истории советского общества // История СССР. 1988. № 3.
- Дружинин Н.М.* О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. № 11.
- Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.
- Дякин В.С.* Были шансы у Столыпина. СПб., 2002.

- Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. СПб., 1997.
- Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
- Записка П.Н. Дурново // Красная новь. 1922. № 6 (10).
- Иванов Л.М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России // История СССР. 1958. № 4.
- История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. Т. 1. Создание большевистской партии. 1883–1903 гг. М., 1964.
- История СССР. Т. 2. Россия в XIX в. М., 1940.
- К вопросу о первоначальном накоплении в России: XVII–XVIII вв. М., 1958.
- Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII–начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974.
- Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 г. М., 1979.
- Кочаровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (опыт цифрового и фактического исследования). Т. 1. Что такое община? СПб., 1900.
- Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976.
- Кутлер Н.Н. – Кутлеру П.Н. 21 февраля 1905 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1282, оп. 2, д. 1978.
- Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1968.
- Ленин В.И. Заметки публициста // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. М., 1968.
- Ленин В.И. Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1973.
- Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1967.
- Ленин В.И. Реформизм в русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 20. М., 1968.
- Манифест 17 октября 1905 г. // Красный архив. 1925. № 4–5 (11–12).
- Маркс К. Капитал. Т. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 2. М., 1962.
- Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Вып. 1. СПб., 1903.
- Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII. СПб., 1907.
- Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XXIV. Пг., 1915.
- Мироненко С.В. Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
- Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в России (1 изд.). М., 2010.
- Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в России (2 изд., исправленное и дополненное). М., 2012.
- Миронов Б.Н. Движение хлебных цен в России в 1801–1914 гг. // Вопросы истории. 1975. № 2.
- Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. 2013. № 2, 3.
- Миронов Б.Н. Страсти по исторической антропологии // Вопросы истории. 2011. № 4.
- Миронов Б.Н. Униженные и оскорбленные. Миф, придуманный большевиками // Родина. 2006. № 1.
- Научно-теоретическая конференция о первоначальном накоплении в России // Исторические записки. Т. 54. М., 1955.
- Неусыхин А.И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М., 1964.
- Нефедов С.А. О причинах русской революции // О причинах русской революции. М., 2010^а.
- Нефедов С.А. Россия в плену виртуальной реальности // О причинах русской революции. М., 2010^б.
- Нефедов С.А. Уровень жизни населения дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5.
- Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. По материалам ежегодной статистики урожая Европейской России. М., 1974.
- Обзор внешней торговли по европейской и азиатской границам за 1906 г. СПб., 1908.
- Обзор внешней торговли по европейской и азиатской границам за 1907 г. СПб., 1909.
- Обзор внешней торговли по европейской и азиатской границам за 1908 г. СПб., 1910.
- Обсуждение вопросов периодизации истории СССР в Институте истории АН СССР // Вопросы истории. 1949. № 4.
- Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. В 2 т. СПб., 1905.

Объяснительная записка к проектам “Учреждения Министерства земледелия” и “Положения о местных установлениях Министерства земледелия” // Российский государственный исторический архив. Ф. 1276, оп. 6, 1910, д. 376.

Основные этапы развития советского общества. “Круглый стол” // Коммунист. 1987. № 12.

Островский А.В. Была ли наша революция социалистической? // Альтернативы. 2009. № 4.

Островский А.В. Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.

Островский А.В. Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX–начала XX в. // Крестьянское хозяйство: история и современность. В 2 ч. Ч. 1. Вологда, 1992.

Островский А.В. Зерновое производство в Европейской России в конце XIX–начале XX в. СПб., 2013^a.

Островский А.В. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011^a. № 6.

Островский А.В. О времени завершения индустриализации и промышленного переворота в России // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX–начала XX века. СПб.–Кишинев, 2001.

Островский А.В. О многоукладности пореформенной российской деревни // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. Историография. Воспоминания. Исследования. СПб., 2002.

Островский А.В. О модернизации России в книге Б.Н. Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10.

Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России // Проблемы исторической географии России. В 5 вып. Вып. II. Формирование экономических районов России. М., 1982.

Островский А.В. О степени социального расслоения в России начала XX в. // Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии. СПб., 2013^b.

Островский А.В. Октябрьская революция: случайность? Исторический зигзаг? Или закономерность? // Из глубины времен. Вып. 2. СПб., 1993.

Островский А.В. Сельскохозяйственное население Европейской России в конце XIX–начале XX в. // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984.

Островский А.В. Существовал ли социализм в СССР? // Альтернативы. 2011^b. № 4.

Островский А.В. Царизм и проблема земледельческих артелей // Северо-запад в аграрной истории России. Калининград, 1987.

Островский А.В. Универсальный справочник России. СПб., 2000.

Островский А.В. Элита российского общества конца XIX–начала XX в.: некоторые проблемы истории и историографии // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994.

Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000.

Переход от феодализма к капитализму. Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969.

Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность России в начале XX в. М., 2008.

Полянский Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958.

Посников А.С. Общинное землевладение. В 2 вып. Вып. 2. Одесса, 1878.

Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 г. (Облик, борьба, гегемония). В 2 ч. Одесса, 1967.

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, год десятый. Пг., 1917.

Семенов П.П. Свод трудов о крестьянском землепользовании. СПб., 1905.

Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.

Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.

Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута. Вып. 1. М., 1908.

Струве П.Б. Революция // Полярная звезда. 1905. № 1. 15 декабря.

Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1967.

Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М., 1944.

Финансовая энциклопедия. М., 1924.

Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981.

Яцунский В.К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до Первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

Яцунский В.К. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки // Вопросы истории. 1959. № 3.